

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛАВРЕНТЬЕВ

Мне очень трудно говорить сейчас об Андрее Николаевиче Лаврентьеве, как о человеке, ушедшем от нас, как о человеке, жизнь которого оборвалась так нелепо в расцвете его творческих сил и возможностей.

С Андреем Николаевичем мы работали вместе давно. Он был одним из основоположников Большого драматического театра. Он был первым его режиссером. Вместе с ним создавалось сложное театральное хозяйство.

Андрей Николаевич был человеком необычайно ценным в искусстве театра. Он был воспитанником Московского художественного театра. Лучшие его традиции Андрей Николаевич переносил в наш театр. Он был образцом большой внутренней дисциплины и творческого энтузиазма. Эту дисциплину он внедрял и в наш актерский коллектив.

Среди актеров, среди всех работников театра Андрей Николаевич пользовался огромным авторитетом.

Как актер, Андрей Николаевич подкупал простотой, свежестью и яркостью исполнения. Памятны всем будут Губин в «Достигаеве», директор Гай в пьесе «Мой друг», мистер Робинзон в комедии «Укрощение Робинзона» — эти наиболее удачные из созданных Лаврентьевым в последние годы художественных образов.

А. Н. Лаврентьев был актером больших возможностей и большого творческого размаха. Он не укладывался в узкие рамки актерского амплуа. От трагической роли Клиффорда в пьесе Романа Роллана «Настанет время», до острохарактерной роли бытового плана в «Достигаеве» — вот его диапазон.

Смерть Андрея Николаевича — большая утрата не только для Драматического театра, в котором он провел свои последние годы, но и для всего советского театрального искусства.

Н. МОНАХОВ

Вчера, когда я сказал одному из драматургов, хорошо знавших Лаврентьева, о том, что А. Н. очень тяжело болен, тот уверенно махнул рукой:

— Нет, выживет. У него огромная воля к жизни...

И вот, утром...

Умер человек большого, волнующего таланта, один из первых шеренги мастеров нашего театрального фронта.

Вспоминаешь его работы. А. Н. Лаврентьев в последние годы настойчиво, со страстью искал, находил и воплощал на сцене черты новых людей из славного большевистского племени. До сих пор так ясно ощущаешь написанный им живописно, красочно образ Михайлова из «Хлеба»; образ большевика, крупного человека, страстного человека, так не похожего на традиционные кожаные куртки. Огромным обаянием наполнил А. Н. образ погодинского Гая, сделав из этой фигуры подлинного друга зрительного зала.

В работе ли, в публичных выступлениях, в интимных высказываниях о творчестве, о современности, о театре — всегда чувствовалось в этом актере пламенное беспокойство художника, огненный темперамент и действительно огромная воля к жизни.

Советский зритель любил Лаврентьева. Тяжелая, тяжелая потеря...

А. ШТЕЙН

В. СФРОНОВ

Дирекция, партком, местком и коллектив работников Гос. Большого драматического театра им. М. Горького с глубоким прискорбием извещают о смерти одного из основателей театра, заслуженного деятеля искусств

АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ЛАВРЕНТЬЕВА,

последовавшей 15 июня в 8 ч. 50 мин. утра после непродолжительной, но тяжелой болезни.

О дне и порядке похорон будет объявлено дополнительно.

Телефоны для справок: 47-68, 2-14-88, 5-02-98, 5-14-11 и 6-31-25.

Обаятельность — вот основная черта этого замечательного, талантливого артиста и человека. В любой роли, в любом жизненном положении, эта черта всегда пробивалась наружу и делала Андрея Николаевича человеком родным, близким и любимым.

Трудно себе представить, что этот жизнерадостный человек, этот выдающийся артист больше уже не существует, больше не будет волновать нас изумительного создаваемыми им художественными образами и излучаемой им теплотой.

Десять лет совместной работы с ним, направленной в рост, развитию и укреплению любимого им Большого драматического театра, в котором он был и главным режиссером и одним из первых артистов, оставили в моей памяти неизгладимый след.

Р. ШАПИРО

Трудно верить... Знала, что Андрей Николаевич тяжело болен, но чтобы умереть... Он был человеком с большим запасом жизненных сил, с необыкновенно кипучей энергией. Человек необычайного таланта. Он с большой любовью и внимательностью относился не только к своей роли, но и к работе своих товарищей. За всем следил. Мы играли вместе в «Заговоре чувств», он играл Андрея Бабичева, в «Достигаеве» — Губина. К последней работе над «Бесприданницей», где он должен был играть Падатова, он отнесился с необыкновенной любовью — всем помогал. С большим увлечением начал в последние время работать в кино. Трудно говорить о нем, так неожиданно это извести...

О. КАЗИКО

16 лет моей совместной работы с ним дадут мне уверенность говорить, какого большого артиста потеряли Большой драматический театр и актерская семья Ленинграда. Ушел от нас редкий товарищ, добрый, отзывчивый человек, никогда не делавший разницы в обращении с большими и малыми.

Чувство глубокой тоски охватывает меня при мысли, что я приду в театр и не увижу больше жизнерадостного, полного сил Андрея Николаевича. Тяжело терять находящегося в расцвете сил нужных людей и близких друзей.

Для меня Андрей Николаевич Лаврентьев навсегда незабываем. С его смертью ушел от нас по-настоящему большой советский актер, а эта утрата надолго останется невозвратимой.

С Андреем Николаевичем связаны мои первые театральные шаги. Он ставил в 1925 году мою первую пьесу «Мятеж». И в процессе постановки, наблюдая его творческое кипение, я не только понял, как этот замечательный актер любит всем сердцем свое дело, но и как много он дает другим, с которыми работает над спектаклем. Может быть именно этому творческому напряжению и энтузиазму Андрея Николаевича, создавшему из непроточного материала неопытных драматургов крепкий скелет спектаклей, может быть опыту, вынесенному из работы с Андреем Николаевичем, я обязан удачей «Разлома», ибо эта пьеса писалась уже с учетом его коррективов.

Не меньше дал мне Андрей Николаевич, как исполнитель ролей в моих пьесах. Трудно забыть когда-либо обаятельный, полный внутреннего достоинства, весь построенный на большой сердечной теплоте образ капитана Берсенева в «Разломе» и прекрасно сыгранную роль Федора Шаховского во «Врагах», где в противовес мятущему и колбасолюбному интеллигенту Берсеневу А. Н. дал мужественный образ командира эскадрильи, бесопашно карающего самого себя за совершенный, хотя бы и невольный, проступок.

Трудно говорить спокойно у гроба только что ушедшего из жизни творческого работника друга и учителя. Можно только с опромной и жгучей горечью попроситься навсегда с человеком, творческий труд которого должен служить образцом всем молодым работникам театра.

БОР. ЛАВРЕНЕВ

Андрей Николаевич — один из самых старых и талантливых мастеров в нашем театре. Многие сравнивали его с Певцовым. Оба они «нутряки», хотя в разного плана. Оба — люди чрезвычайно высокой культуры.

К нам, к молодежи, Андрей Николаевич относился всегда с исключительной чуткостью и заботливостью. Может быть потому, что он сам прошел тяжелую жизненную школу...

Особенно это видно на последних работах театра. Несмотря на то, что Андрей Николаевич не был занят в «Аристократах», он приходил на генеральные репетиции, показывал, учил молодежь.

Он неоднократно говорил мне: — Смотри, Виталий, когда будешь играть, говори мысли, а не слова. Слова — играть не надо. Как бы ни были хороши слова, но если там нет мысли, вы если ты ее не понимаешь — ничего не выйдет.

Культура для актера все. Актер должен уметь понимать и чувствовать — вот основные мысли, которые он старался внушить нам, молодым актерам. Театр потерял любимого и интересного актера и учителя.

В. ПОЛИЩЕИМАН

Я столкнулся с Андреем Николаевичем Лаврентьевым тогда, когда Большой драматический театр еще был в самом зародыше — в конце 18-го года — на одной из первых репетиций «Дон Карлоса». Этот человек вдохновил меня на работу в театре и он же в течение ряда лет, тяжелых лет создания театра, поддерживал во мне и во всех нас уверенность в крепости театра, его необходимости для пролетарского Ленинграда. Это был человек, который жил театром, мог говорить о нем passionately, человек исключительного полета, темперамента. Работать с ним было наслаждением. Вокруг него всегда была атмосфера искреннего товарищества и дружбы.

Необыкновенная простота, сердечность, прекрасное отношение ко всем окружающим делала его любимым и близким не только для работников театра, но и для всех тех, с кем он сталкивался на сцене и в жизни.

Театр тяжело переносит повсеместную утрату. Все мы в глубоком трауре.

Т. БЕРКОВОЙ